

К 95-летию поэта

«Синее, синее чудо!..»

слово о Семёне Данилове (1917 – 1978)

Среди поэтов многонациональной советской литературы одно из ведущих мест принадлежит выдающемуся мастеру Семёну Петровичу Данилову, в творчестве которого Якутия – малая родина – и Советский Союз слились нерасторжимо в Родину большую, на просторах которой он был всегда желанным и принимаемым как истинный классик.

Семён Петрович был другом, как сказал бы Владимир Маяковский, поэтов «хороших и разных»: от Николая Тряпкина до Андрея Вознесенского, – поскольку он, прежде всего, дружил с их необычным Словом, а через него и с ними самими.

Великий человек и великая скромность – вот неповторимые качества Семёна Петровича, которые внимательный собеседник, коим посчастливилось мне быть в далёком 1977-ом году, обнаруживал раз и навсегда.

Наша беседа открыла и уникальность познаний поэта: он читал наизусть Пушкина и Тютчева, на его устах была поэзия Мустая Карима и Петруся Бровки, Заки Нури и Миши Юхмы, а Ярослав Смеляков, казалось, был его русско-якутским собратом.

В мае-июне того благословенного года мы, молодоговардейцы, проехали по малому и большому БАМу от Тынды до Беркаката, проводили вечера поэзии со строителями, а на станции Золотинка провели совещание молодых писателей, среди которых выделялись поэты-участники великой стройки.

В их стихи входила сама жизнь, – порой непритязательные и безыскусные, они трогали сердце именно этой самой жизнью, бившейся пульсом, как в стихах Нади Луцки, о которой я написал в тот же вечер строки:

На сцене этой свёл нас случай.
Застыли дальние шаги,
Когда читала Нада Луцки
С трибуны первые стихи.

Она давно на малом БАМе.
Её в лицо весь город знал.
«Пишу письмо сегодня маме...» –
Волнуясь, выплеснула в зал.

И в этом взгляде синееком
Светилась радость и печаль
И Белорусии далёкой
Плыла задумчивая даль.

Как сложилась её судьба? Откликнись, Нада, ежели попадёт тебе в руки этот номер «ОЛГ»...

Когда я рассказал Семёну Петровичу о молодых строителях БАМа и поэтах великой стройки, он повеселел (поэт давно бо- лел) и тихим голосом произнёс:

– Не зря мы жили и писали. Не зря.

И опять же, заметил я, на первое место он поставил глагол «жили», ибо сначала надо жить в гуще народной жизни, а уж потом писать, хотя были у нас (и есть поныне) поэты, – для которых жизнь вторична, главное – писать о себе, всё остальное приложится.

Жизнь родной Якутии билась в его стихах высоким, неубывающим пламенем поэзии:

Нам хорошо средь вечной мерзлоты,
Поющим,
С леденящими ветрами.
Мы выскедем из морозов пламя
И не боимся зимней темноты...

Семён Петрович переживал, видя, как современные базаровы-временщики (для них природа была только «мастерская», а не храм) безжалостно превращали гусеницами тракторов в кровотокащие, незаживающие раны прекрасное лицо Якутии.

А свою малую родину он знал отлично: был заядлым охотником и рыболовом; несмотря на неважное здоровье, ходил по родной земле, зорко всматриваясь во всё, что на ней происходило, и необъятный простор давал силы духу, настраивал философский ум поэта на мудрые строки, что сближало его с русскими поэтами-философами девятнадцатого века – от Евгения Баратынского до любимого им Фёдора Тютчева.

Жизнь Семёна Петровича – ежминутная погоня за Словом, так независимо ускользающим, что поймать-приручить эту синюю птицу дано только Мастеру; но он её приручил и она садилась на крылах метафоры на его светоносную строку и, кажется, подмигивала поэту голубым глазом якутских озёр:

И под синью весеннего ситца,
И под пологом летней жары
Всё мне снится, всё снится
Белый конь Мончары...

Вспомянув Егора Неймохова (1950–2011)

«И в том строю
есть промежуток малый...»

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей...

Ключом нашего поколения эти строки Расула Гамзатова невольно возвращаются каждую весну, в каждое преддверие Победы, вместе с первыми журавлиными стаями, вместе с наплывающими воспоминаниями послевоенного детства.

Не потому ли так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?

Наверное, потому. Порой воображение как чуткие клавиши: едва прикоснись – и зазвучит в ответ мелодия, переливаясь из образа в образ, разрастаясь до бесконечности. Вот и в последние годы, едва я слышал название фильма «Журавли над Ильменем», как перед глазами начинала мерцать картина: огромное строгое озеро, окрашенное догорающим закатом, и пользающийся в его пламени горький и торжествующий клин журавлей... А на берегу – задумчивая одинокая фигура писателя. Егора Неймохова.

И в том строю есть промежуток малый,
Быть может, это место для меня...

Верно, в том строю действительно было место для него. И прошлым летом, когда Егор ушёл из жизни, к ильменской стае добавился ещё один журавль. Теперь воображение рисует его летящим в небесах вместе с теми, перед кем он выполнил свой самый главный писательский и человеческий долг.

Тот, кто сам прикоснулся к смерти, острее и ближе понимает и живых, и мёртвых. В сорок пять лет, в самом расцвете творческих сил и известности, он узнал приговор: жить осталось месяцы. Лишь сложнейшая операция в Санкт-Петербурге вернула его оттуда, откуда не возвращаются. Выздоровление было долгим и трудным, длилось три года, и каждый раз, когда Егору становилось легче, он покидал северную столицу и ехал в соседнюю Новгородскую область, на Ильмень. Туда, где в течение какого-то часа якутский народ понёс одну из самых великих потерь: оставил на льду озера под шквальным огнём без малого полтысячи своих сынов. Слишком поздно подняли их в атаку отцы-командиры: солнце уже взойшло и на застывшей белой глади бойцы превратились в мишени для вражеских пулемётчиков и самолётов противника. Так появилась у озера самая большая братская могила якутов, а в небе над ней – с той поры плывут и печально курлычат то ли журавли, то ли души наших земляков, не вернувшихся домой.

Принято считать, что памятник писателя – его книги. У Егора Неймохова с этим всегда всё было в порядке. Более того, обращаясь к его творчеству, нельзя не обойти- ть без постоянного употребления слова «первый». Он ещё в 25 лет стал автором «Схватки» – первого художественного произведения о спортсменах на языке саха. Позже «Схватка» была инсценирована и поставлена в Якутском театре как опять же первая и единственная до сих пор «спортивная» пьеса, принёсшая тогда набирающему силу коллективу первые аншлаги. Затем Неймохов стал автором первого якутского детектива «Случай на озере Сайсары». Оказался он первопро-

ходцем и в музыкальной теме, заглянув на десятилетия вперёд и написав повесть «Взлёт» о судьбе якутской певицы, про- рвавшейся на высший международный уровень. Повести «Крик», «Гости старика Матвея», «Спроси у себя» тоже были отмечены знаками новизны. Видимо, поэ- тому, по статистике Национальной библиотеки, Егор Неймохов постоянно входил в число наиболее востребованных писате- лей, включая классиков литературы саха, а то и обходил последних, не говоря уже о ныне здравствующих коллегах. А совсем недавно, в соотвествии с современными рыночными тенденциями, он получил диплом как автор самых продаваемых книг.

Итак, с писательскими «памятниками» проблем не было. Но Неймохов на изломе своей жизни сумел поставить и памятник самый что ни на есть настоящий – на берегу Ильменя. Оказавшись там в первый раз, он увидел красивый ухоженный мемориал с мраморными обелисками и высоким крестом, отстроенный немцами в память о солдатах вермахта, погибших в

Истинный Поэт – сын Вселенной, ибо мало ему Земли. Таким и был Семён Данилов, торжественно провозгласивший:

Я ко всем наукам ключ имею.
Я со всей Вселенною знаком,
Это потому, что я владею
Русским всеохватным языком.

Так может писать только поэт-интернационалист, влюблённый в язык Пушкина и соединивший в своей страстной душе два равновеликих Универсума: Универсум, со-

творённый Создателем, и Универсум русского языка!

Гражданин Космоса, Семён Данилов был сыном и своей малой синей якутской реки Синэ, как и я сын моей малой смоленской реки Соли и большой русской реки Днепр. Только недавно я вдруг постиг, что поэты сперва встречаются реками, а уж потом стихами. Строки Семёна Петровича о своей Синэ:

Песней душевной я славлю тебя,
Синяя-синяя Синэ! –

перекликаются с моими строками о речке Соля:

«В час веселья
И в час беды
Слаще нет для меня воды».

Завершаю беглые штрихи к творческому портрету Семёна Данилова стихотворением «Якутия», которое было написано после встречи с ним и опубликовано в книге «Воспоминания о Семёне Данилове», выпущенной Якутским книжным издательством тоже в далёком тепер 1983-м году:

Не оторву от речек взор.
Устал Данилов от вопросов...
Сто тысяч глаз твоих озёр
Глядят в глаза мои раскосы.

И Лена – долгая река,
Якута верная подруга,
Так широка,
Что берега
Не могут рассмотреть друг друга.

Но, как бы быстро ни летел
На самолёте,
На оленях,
Якутия,
Я сердца зреньем
Всё, чем живёшь ты, рассмотрел.

Я спрашивал не про алмаз:
– Такая синь в глазах откуда?
– А всё оттуда, что у нас
Река – на каждой якута!

Я знаю стынть твоей зимы –
Хозяйки белого раздолья.
Я пил вино твоё – кумыс
И строганину ел в застолье.

И, тишиной твоей храним,
Её простором избалован,
Я был охотником твоим,
Твоим заядлым рыболовом.

Ты говорила мне, любя:
– Всё, что душа берёт, заимстуй! –
Да пусть хранит вовек тебя
Святой закон гостеприимства!

Иван САВЕЛЬЕВ

том жестоким бою. А чуть подальше – не- приметный, обиденный и жалкий гипсовый памятник с несколькими десятками еле различимых якутских фамилий. В тот же вечер он написал переполненное болью письмо тогдашнему президенту Якутии. Михаил Николаев, к чести своей, откликнулся сразу же. Потом был конкурс на лучший проект, строительство, торжественное открытие монумента в день 55-летия Победы, горячее участие во всём этом Егора Неймохова. А ещё было обращение писателя со страниц республиканской газеты ко всем жителям Якутии, чьи родственники погибли на Ильмене, тщательный и кропотливый поиск. В результате, на новом памятнике под символическим остовом стальной урасы – старинного жилища якутов, – застывшей на расколотой льдине, были высечены в мраморе около четырёхсот фамилий...

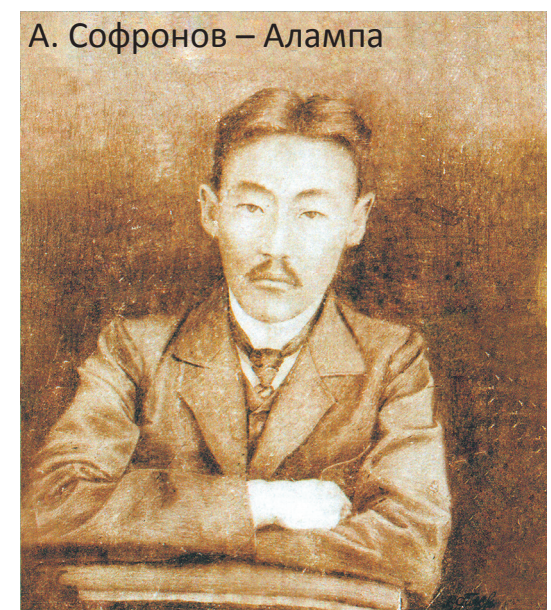
А он вернулся к своему рабочему столу. Много испытанный и перенесший, но не сдавшийся. Вскоре появилась книга с неожиданным для его ситуации названием: «Четыре времени любви». Любви, а не боли и страданий. Затем родился сценарий «Чёрная маска», по которому сняли первый якутский полнометражный и полноценный художественный фильм. Познакомившись с ним, режиссёр с мировым именем Эмиль Лоттян назвал Неймохова «очень талантливым человеком». Подобные оценки прозвучали из уст Сергея Михалкова, Юрия Бондарева, уже упомянутого Расула Гамзатова...

Помню, когда Егору Неймохову исполнилось 55 лет, он остался верен себе и отметил очередной рубеж именно так, как его должен отмечать писатель. Военная тема всё ещё не отпускала его сердце. Сунтарский народный театр тогда показал в Якутске «Разговор отца с сыном» – трагическую историю встречи двух душ: погибших в военном лихолетье отца и сына. От слёз в зале удержались немногие. В родном селе писателя Мегино-Алдана, где земляки, вопреки его просьбам, дали одной из улиц имя Егора Неймохова, поставили «Тайну озера Сайсары». А в Москве издали роман «По лезвию ножа» о непростой судьбе главного героя, который в двадцатые годы прошёл путь от белопоповстанца до красного командира, а затем опять стал противником новой власти и был расстрелян. Этот роман – ещё один исполненный долг Егора перед его другом-поэтом Алексеем Михайловым, рано ушедшим из жизни. Именно он рассказал Егору о трагической судьбе своего родного дяди и попросил написать о нём книгу. Неймохов не просто сдержал слово, но сумел передать семейную историю и трагедию так, что роман получил огромный резонанс среди читателей.

Однако самой, наверное, главной премьерой тех лет, состоявшейся в победном мае, был показ художественного фильма по сценарию Егора Неймохова «Журавли над

Ильменем» о том, что он сумел отыскать в человеческой памяти и военных архивах об этом печальном дне, что выносил и переплавил в своей душе на берегу далёкого озера и в тиши писательского кабинета. Это стало ещё одним мемориалом павшим землякам.

Мне не раз приходилось быть свидетелем, как в самом маленьком и далёком якутском селе простые люди радушно привечали Егора, едва услышав фамилию Неймохов. Приняв на себя руководство Союзом писателей Республики Саха, входящим в Международное сообщество писательских союзов, он заметно оживил работу и в то же время повёл её мудро и рассудительно. Я был рад, когда Егор, давно уже всенародный писатель по читательскому признанию, наконец-то официально стал народным писателем Якутии. Успел. «Знаешь, – поделился он в минуты откровения, – я каждый день хожу по краю пропасти, на котором рвутся снаряды». Хорошо, что край небития и смертельные «снаряды» всё же позволили ему год назад отметить своё 60-летие, позволили завершить одну из самых больших и значимых работ – роман «Алампа» об одном из основоположников якутской литературы Анемподисте Софронове. Но

очень горько, что юбилей стал для Егора последним. Буквально за десяток дней до того, как внезапно остановилось его сердце, он, получив из Москвы первую часть перевода своего романа, зашёл ко мне поделиться радостью. Он так мечтал поскорее увидеть эту книгу в руках у русского, российского читателя...

Роман скоро выйдет. Жаль, что мы прочитаем «Алампу» без самого автора, но он наверняка увидит это из своей журавлиной стаи. С небес видно всё...

Владимир ФЁДОРОВ